

Мать и сын быстро сошлись во мнении и тут же, украдкой, отправились следом к реке.

Подбежав ближе, они услышали доносящиеся из зарослей тростника стоны — прерывистые, полные удовольствия. Тянь Ваньсинь, представив, что сейчас увидит, не выдержал — забыв обо всём, он бросился внутрь.

Но стоило ему войти в заросли, как чьи-то руки тут же схватили его за шею. В панике он огляделся — никакого Хэ Бяня там и в помине не было.

Там были лишь несколько парней, которые крутились вокруг Ван Саньлана. Один из них, уставившись на него, издавал мерзкие, похотливые звуки.

Плохо дело — он попался!

Когда Хэ Бянь успел их подкупить?!

Тянь Ваньсинь побледнел от ужаса, лицо его исказилось. Ван Саньлан зажал ему рот и начал сыпать грязными, непристойными словами. Увидев это, Чжан Мэйлинь вспыхнула, кровь ударила в голову, она схватилась за точку под носом и закричала во всё горло:

«Небо милосердное! Люди, скорее сюда! Убивают!»

В голове у неё всё смешалось, и она выкрикнула:

«Ван Саньлан! Я велела тебе опозорить Хэ Бяня, а не хватать моего Ваньсиня!»

Глаза Ван Саньлана налились злобой, он огрызнулся:

«Мне всё равно, кого поймал — того и беру!»

«Тянь Ваньсинь — распутник, тело у него гуляющее, без мужика не может — вот я и окажу милость, удовлетворю его!»

Не зря он передумал: ночью, выйдя по нужде, он был избит тем дураком так, что чуть до петли дело не дошло.

«Это ты сама спрашивала, хочу ли я стать зятем в вашей семье!» - продолжил Ван Саньлан.
«Теперь заднюю включать уже поздно!»

Чжан Мэйлинь, словно взбесившаяся корова, кинулась вперёд:

«Я сказала тебе спать с Хэ Бянем, а не с моим Ваньсином!»

Крестьяне, работавшие неподалёку в поле и услышав шум, поспешили к месту — и остолбенели.

Что ещё за беда на этот раз?

Свекровь Тянь Саньнян, с мотыгой на плече, оказалась впереди всех. Хотя Тянь Ваньсинь и опозорил себя, она всё же крикнула Ван Саньлану:

«А ну отпусти его! Думаешь, нашу семью Тянь можно так просто обижать?!»

Ван Саньлан холодно ответил:

«Вините Чжан Мэйлинь — сама пакостит, сама же и расплачивается. Хотела навредить другим — навредила себе».

С этими словами он грубо оттолкнул Тянь Ваньсиня, и тот повалился на землю.

Тем временем всё больше жителей деревни собирались на месте. Не понимая, что происходит, они увидели, как Чжан Мэйлинь обнимает Тянь Ваньсиня и плачет, и начали допытываться у Ван Саньлана.

Тот сказал:

«Позавчера ночью тётка Чжан пришла ко мне и велела связать Хэ Бяня и надругаться над ним. Я, конечно, человек не самый благородный, но до такой скотской мерзости не опущусь. У Хэ Бяня хоть и нет родителей, но нельзя же так над человеком издеваться. К тому же он под защитой ваших предков — может призывать их дух. А ваши предки оказали милость нашей семье Ван, как же я мог пойти на такую грязь?»

А Хэ Бянь, прятавшийся в камышах, всё ещё пребывал в замешательстве — всё пошло совсем не так, как он задумал.

С чего это Ван Саньлан вдруг заговорил в его защиту?

По плану Хэ Бянь должен был притвориться, будто Ван Саньлан над ним издевается, и в процессе выведать вслух его сговор с Чжан Мэйлинь, чтобы окружающие крестьяне всё услышали. А в итоге вышло, что Ван Саньлан сам стал его оправдывать.

Когда тот договорил, деревенские слушали с раскрытыми ртами.

Кто бы мог подумать — Чжан Мэйлинь всегда казалась ласковой к Хэ Бяню, постоянно хвалила его при людях, так что их собственные дети даже завидовали.

А за спиной — такое унижение.

Неудивительно, что Хэ Бянь такой худой.

Значит, всё это время — в глаза одно, за спиной другое.

Настоящая улыбающаяся тигрица с ядовитым сердцем.

Собравшиеся переглядывались, но никто ничего не говорил, лишь смотрели на плачущую Чжан Мэйлинь.

Сама себе яму вырыла.

Так ей и надо.

Поняв, что момент подходящий, Хэ Бянь вышел из укрытия в камышах. Увидев его, люди заметно переменились в лице — в их взглядах появилось что-то сложное, неясное.

Хэ Бянь с выражением растерянности и тревоги произнёс:

«Мама, чем я тебе не угодил, что ты решила так со мной поступить? Если ты так меня ненавидишь, давай прямо сейчас пойдём к старейшине и вычеркнем меня из родовой книги, разорвём наши отношения матери и сына».

«Вы все это видели» - обратился он к собравшимся. «Прошу, засвидетельствуйте: не потому что я непочтителен, а потому что мать держит на меня такую злобу, что я никак не могу ей угодить. Раз уж так, лучше исполнить её желание и разорвать связь».

Люди вокруг тут же притихли.

Никто не двинулся с места.

Даже свекровь Тянь Саньнян, которая обычно за глаза ругала Чжан Мэйлинь, осталась стоять.

Хэ Бянь растерялся. Они же всё видели, знали, какая она жестокая — почему же никто не хочет свидетельствовать?

Подоспевшая на шум Тан Тяньцзяо вовсе не удивилась происходящему. Как бы ни была Чжан Мэйлинь злобна и презираема, пока это не касается лично их, никто не станет заступаться за постороннего вроде Хэ Бяня.

К тому же через пару лет Хэ Бянь всё равно выйдет замуж и покинет деревню Тяньцзяо, а им с Чжан Мэйлинь ещё жить бок о бок десятилетиями.

«Я пойду свидетельствовать!» - сказала Тан Тяньцзяо. «Потом сами пожалеете! Хэ Бянь — под защитой наших предков, а вы покрываете Чжан Мэйлинь!»

Кто-то в толпе усмехнулся. Эта насмешка прозвучала — и вслед за ней один за другим люди вдруг разразились громким смехом.

Лица, ещё мгновение назад напряжённые, вдруг просветлели. Будто услышали какую-то невероятно смешную шутку.

Свекровь Тянь Саньнян сказала:

«Да это просто Хэ Бяня довели, вот он и выдумал себе отговорку. А вы и поверили? Люди уже в возрасте, а вас обманул какой-то подросток — ну и глупцы же вы».

Кто-то добавил:

«Говорят, его защищают предки рода Тянь... Кого угодно могу в это поверить, но чтобы защищали какого-то постороннего без капли родной крови — да кто в такое поверит?»

«Точно! Если бы Хэ Бянь и вправду был под защитой предков, разве выглядел бы он так? Вид у него — бедный, несчастный, будто судьба его не жалуется. Скорее поверю, что предки его вовсе не оберегают»

Слушая это, Тянь Ваньсинь сразу приободрился:

«Вот именно! Хэ Бянь целыми днями дома разыгрывает всякую чертовщину и смеет заявлять, что его защищают предки! Так давай — призови их сейчас, покажи нам!»

Против множества голосов не устоять. Под градом обвинений у Хэ Бяня зазвенело в голове, он сжал ладони, не зная, что делать.

И вдруг — при ясном небе — поднялся бешеный ветер. В камышах взметнулись пушистые метёлки, закружились в воздухе, словно июньский снег, закрывая лица всем присутствующим.

«Ай, что это такое? Почему вдруг всё стало белым перед глазами?»

«Откуда этот странный ветер?»

Люди замерли в растерянности и страхе. Но через мгновение ветер стих, камыши перестали метаться, пушинки осели — и перед Хэ Бянем на земле выстроились крупные знаки из упавших метёлок.

Многие не умели читать, но Тан Тяньцзяо, присмотревшись, сразу изменилась в лице, почтительно задрожала и вслух прочла:

«Неблагодарные потомки, почему не становитесь на колени».

Толпа ахнула. Все вновь посмотрели на Хэ Бяня — он стоял с торжественным лицом, полуприкрыв глаза, и громко произнёс:

«Перед предками — на колени!»

Люди вздрогнули, головы у них гудели, и все как один опустились на колени.

Тан Гуй, стоя на коленях, заметил, что Чжан Мэйлинь и Тянь Ваньсинь стоят как вкопанные, не двигаясь. Он только начал подниматься, как Ван Саньлан в один прыжок подскочил и силой заставил мать с сыном опуститься на колени перед Хэ Бянем.

Небо милосердное... Неужели Хэ Бянь и правда может призывать дух предков!

Чжан Мэйлинь, стоя на коленях, подняла голову и уставилась на него. Маленький, невзрачный Хэ Бянь вдруг показался ей бесконечно высоким и недостижимым. Сердце бешено заколотилось, страх сдавил грудь — и она потеряла сознание прямо на месте.

<http://bllate.org/book/17226/1615181>